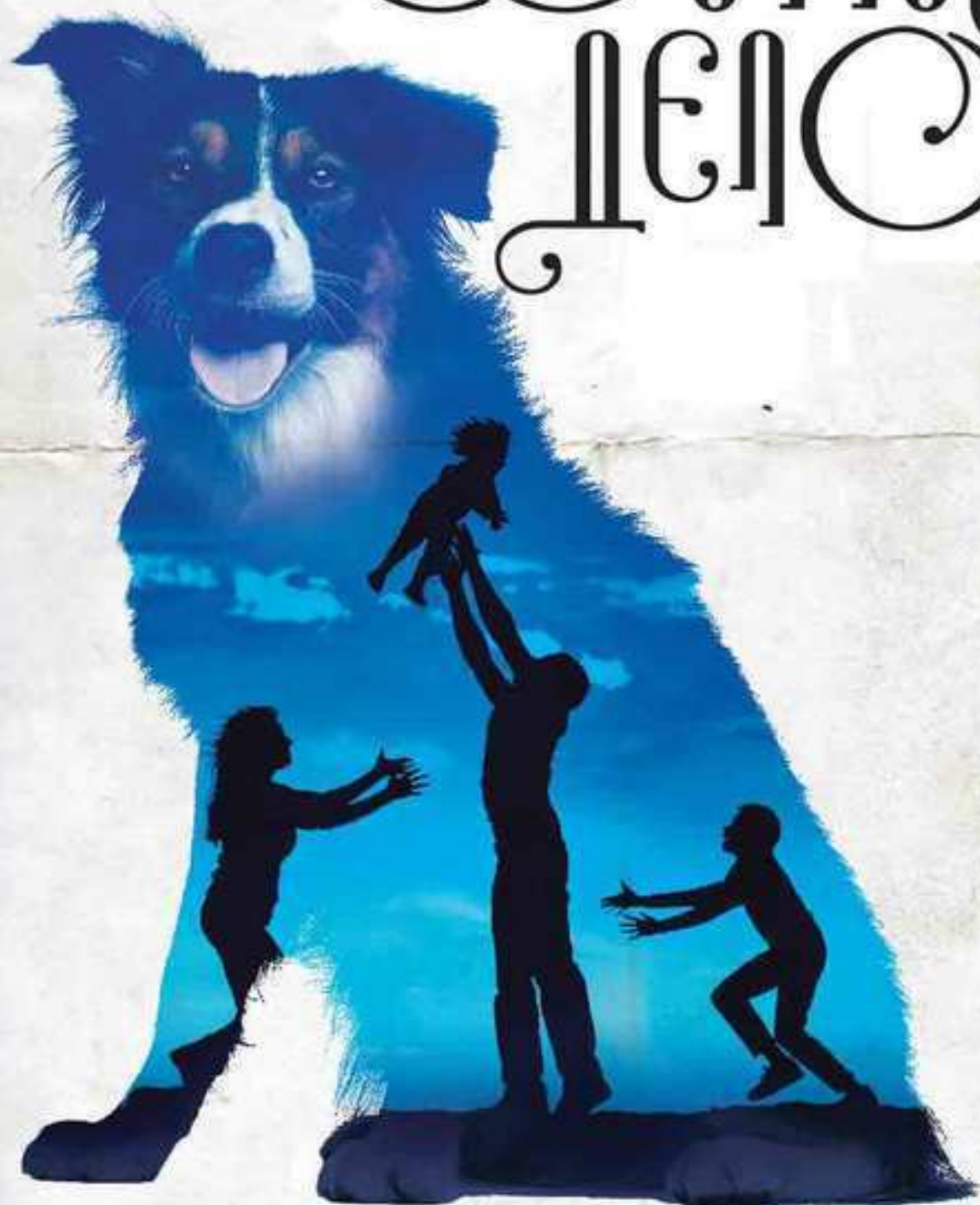

ՄՈՔ ՇՈՒՄԿՆԵ ԴՆՈՑ

ՄԱՐԳԱՐԻՏԱ ՅՅԵՐԵՅԱ

Настройся на лучшее

Маргарита Зверева

Моё собачье дело

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверева М.

Моё собачье дело / М. Зверева — «Эксмо», 2017 — (Настройся на лучшее)

ISBN 978-5-04-089193-1

Решение забрать из приюта двух милейших собак становится значимым событием как для членов семейства, так и для самих хвостатых. Но могла ли подумать мать двоих детей, что новые подопечные помогут найти её сынишке Никусе своё призвание. А ещё... спасут отношения с мужем, после того как он останется без работы. Как такое может быть, спросите вы? Об этом поведаёт самая добрая собака на свете, и, поверьте, ей есть о чём рассказать!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089193-1

© Зверева М., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Маргарита Зверева

Моё собачье дело

Глава 1

Про летающих ротвейлеров и плачущих докторов. Приютоведение

Когда они впервые появились в приюте, на дворе стоял очередной невыносимо жаркий летний день. Пока солнце еще не добралось до нашего вольера, но воздух уже успел изрядно нагреться, и немногочисленные кучки, которые тетя Леся, наша любимая уборщица, не убрала со вчерашнего вечера, невкусно попахивали.

Люди обычно ошибочно полагают, что собаки приходят в восторг от всего, что, по людским меркам, воняет, но позвольте мне уверить вас, что это неправда. Наша тяга к зловещей вони сводится к одному маленькому, но поразительно сильному словечку: инстинкт. Вот гуляешь ты себе, понюхивая кустики и беззаботно поваливая хвостом, на душе легко, птички поют. И тут до твоего нюха доносится противно слащавый запах падали. Твои ноздри сами по себе оттопыриваются и начинают нервно дрожать, ты каменеешь, приподняв одну лапу, на твой только что ясный взор ложится гипнотизирующая пелена, и ты уже знаешь, что потерян. Ты понимаешь, что тебе незачем валяться в этой гадости и тем самым маскировать свой собственный запах, что тебе не надо охотиться на еду, которая лежит дома в блестящей миске, что ты не дикий тупой волк, в конце концов, а цивилизованное домашнее животное, что тебе доверяют хозяева. Ты точно знаешь, что если вернешься с виноватым взглядом и вымазанный по уши гнилыми кишками, то хозяева будут по крайней мере расстроены, а по другой крайней мере отдубасят первой попавшейся газетой или палкой, а потом еще и поволокут за те же вонючие уши под душ. Но этот проклятый инстинкт напрочь вырубает все здравые мысли, и вот ты уже мчишься как очумелый на вонь, притягивающую тебя словно магнитом. Краем уха ты слышишь отчаянные крики и мольбу, быстро переходящую в страшные угрозы, но единственное, что теперь имеет значение – это бедныйдохлый зверь, перед которым ты себя заранее чувствуешь виноватым. И вот ты подбегаешь, на мгновение замираешь в трепетном предвкушении и ужасе и... Впрочем, к чему я это? Ах да, вонючие кучки в нашем вольере. Обычно толстая, то есть добрая, тетя Леся молниеносно отправляла их в голубенькое ведерко с плотно закрывающейся крышкой (тетя Леся всегда бормотала себе что-то под нос во время уборки, и я не раз слышала пламенные похвалы той самой плотно закрывающейся крышке), но сегодня она, видно, еще не проснулась, и я уже не знала, куда приткнуть свой чувствительный нос. Моя сеструха...

Да, кстати, познакомьтесь, этот черный дрожащий комок с влажными глазами и вечно прижатыми хвостом и ушами – моя сестра-близняшка. Мне припоминается, что вначале нас было значительно больше и мы, все черные и мягкие, толкались у маминого пуза, но в какой-то момент нас стало стремительно становиться меньше, и в итоге мы с сеструхой остались вдвоем. Даже теплое мамино брюхо куда-то делось, а руки, непрестанно теребящие наши спины, тоже как-то изменились. Но это другая длинная и грустная история.

Так вот, мою сеструху запах собственных кучек явно не так сильно коробил, как меня. Дрожа, как осиновый лист, она заткнулась в самый дальний угол среди порядочно наложенных там кучек и изредка бросала полные искреннего кошмара взгляды на громадные головы соседских ротвейлеров, то и дело взлетающих над плохо продуманной перегородкой между нашими вольерами. Плохо продуманной она была оттого, что не предусматривала соседство

таких больших, страшных псов типа наших тупых соседей и таких маленьких, пугливых собак типа моей сеструхи. Я, конечно, была такой же маленькой по сравнению с этими громадными уродами, но значительно менее пугливой по натуре. Так уж сложилось.

Перегородка была частично сплошной, что обеспечивало нам какое-то личное пространство, но верхняя ее часть состояла из одних металлических прутьев, через которые ротвейлеры, конечно, никак не могли пробраться, но через которые были прекрасно и отчетливо видны их слюнявые, зубастые морды. Я не раз пыталась донести до сеструхи, что они никак не могут преодолеть прутья и что в принципе она может расслабиться (для наглядности я даже лихо повертелась прямо около той стенки, над которой взлетали клыкастые пасти), но животный страх за свою маленькую жизнь никак не хотел покидать ее.

И так целыми днями я могла наблюдать за тем, как безмозглые ротвейлеры бесятся и как сеструха трясется в углу. Только когда вдоволь нажравшись, простите, по-другому не скажешь, эти глыбы удовлетворенно вздыхали и валялись дрыхнуть там же, где стояли, сеструха ползком подбиралась к своей миске, которую я, естественно, не трогала, и вылизывала ее отчаянно до блеска.

Гулять нас выводили редко. В тот сравнительно недолгий период, пока мы жили дома, с нами гуляли тоже не особо часто, но там имелся прекрасный клочок травы с деревьями, именуемый сладкозвучным словом «сад», и, если мы достаточно громко повизгивали у двери, нас в него выпускали и обычно не вспоминали про нас до самого вечера, что нам приходилось очень даже кстати. В приюте же никакого сада, разумеется, не было. За пределами забора был лес и поля, по которым нас иногда выгуливали молодые, симпатичные люди, называющиеся «волонтеры». Это было сложное слово, и его было трудно запомнить, но в приюте оно слышалось примерно так же часто, как «корм» и «спонсор», причем что такое «спонсор», я так до сих пор и не поняла.

Волонтеры всегда были полны энергии и хорошего настроения, и все жители приюта были от них без ума. Волонтеры не просто бросали на пол звенящие об бетон миски и спрыскивали вольеры ужасающе громкой и мощной струей воды из зеленого шланга, а гладили нас между ушей и даже по животу, если вовремя не постесняться и успеть броситься на спину, растопырив лапы. Они цепляли веревки на наши ошейники, объясняя, что это для того, чтобы мы случайно не попали под машину, и терпеливо вели нас вдоль дороги до леса.

А терпение с нами надо было иметь о-го-го какое. Я-то старалась сильно не рваться во все четыре стороны одновременно, хотя совладать с бурей терзающих тебя на воле эмоций было совсем не легко, но вот, например, моя сеструха не то что просто рвалась во все четыре стороны, она еще то и дело плашмя припадала к земле, и оторвать ее от нее было не так-то легко. Когда с ней происходили такие тихие истерики, я страшно злилась на нее, потому что очень старалась понравиться волонтерам и мне казалось, что эта дурында все мои старания сводит на нет.

Кроме меня отчаянно старались еще и другие собаки, но, как показало беспощадное время, симпатичные волонтеры крайне редко забирали кого-то с собой домой. Они присаживались на корточки, трепетно теребили наши головы и чуть ли не со слезами на глазах приговаривали, что были бы они постарше и не было бы учебы, дела обстояли бы совсем иначе. Перед сном мы с сеструхой часто красочно представляли себе, как мы разрываем эту дурацкую учебу в клочья, а потом укладываемся на ее теплое место в коридоре. Еще они ссылались на отсутствие какой-то жилплощади, и мы никак не могли понять, кто такая эта жилплощадь и почему без нее никак нельзя обойтись.

Как-то раз нам одна старая болонка из другого соседнего вольера сказала, что волонтеры, в сущности, еще щенята, на которых никак нельзя рассчитывать, но мы списали этот бред на старческий маразм. Конечно, мы понимали, что волонтеры молодые, но мы прекрасно могли

отличить их от настоящих человеческих щенят, которые, к сожалению, совсем не редко навещались в наш приют.

Истошно визжа, они припадали к прутьям вольеров и просовывали между ними свои сопливые носы, от которых мы шарахались к задней стенке, как от доктора. Доктор... Доктор – это другая больная тема. Доктором назывался высокий, худющий мужчина с остренькими усиками, который всегда шурился и с виноватыми вздохами делал всякие пакости. Он появлялся где-то раз в неделю, и учуять его приближение можно было еще задолго до того, как он неспешным шагом переступал порог нашего ржавого забора. От доктора и его черного бесформенного чемоданчика так разило химией и йодом, что голова начинала кружиться, как только он выходил из машины. То, что он приезжал на машине, знали все, это легко можно было определить по запаху бензина и звукам мотора, но вот на какой именно, пока никто из приютских собак еще не успел вычислить. Машин приезжало на удивление много, но мало от каких можно было ожидать приятных посетителей.

Доктор был определенно наименее приятным посетителем из всех. В вольеры он заходил только с кем-то из работников и правильно делал, иначе его непременно сожрали бы. наших дурных ротвейлеров, например, вообще надо было намертво привязывать к металлическим прутьям и натягивать на их безобразные морды не менее безобразные намордники, и то как-то раз один из них умудрился сорваться с цепи и придавить доктора к полу так, что потом тот еще долго пыхтел в коридоре, опираясь дрожащей рукой о стенку с подтеками.

Нас он, конечно, меньше боялся, если боялся вообще.

Проникнув в наше пространство, он виновато улыбался и как бы невзначай открывал свой чемоданчик, символически махнув костлявой рукой по нашим спинам. Потом он всегда бормотал одну и ту же фразу, что, мол, все хорошо и он только нас пощупает. Это, конечно же, было сушее вранье, так как я не могу припомнить ни одного раза, чтобы дело закончилось одним пощупыванием, что само по себе уже было далеко не приятным времяпровождением. Если доктор не укалывал нас, как оса, под мышку или в спину или не засовывал что-то маленькое, твердое и горькое чуть ли не в горло, после чего он задирает нам голову так, что мы должны были проглотить эту гадость, чтобы хотя бы не задохнуться, то обязательно хватал наши лапы и начинал впиваться в когти щипцами с красными ручками. Работник приюта при этом всегда пытался нас успокоить, утверждая, что нам всего лишь подстригут ногти, но это «всего лишь» было страшнее всех колющих ос и горьких шариков, вместе взятых, уж поверьте. Как только доктор подносил к нашим лапам, находящимся в его плотно сжатом кулаке, орудие пыток, мы неизбежно устраивали такую сцену, что это, вероятно, запоминалось надолго.

Пока проходили истязания одной собаки, другая прижималась задом с поджатым к животу хвостом к стенке и со смешанными чувствами наблюдала за ужасающей процедурой. Из вольеров на противоположной стороне на зрелище также таращились другие псы, и в их глазах смешивались злорадство и облегчение, что это не они на месте несчастного пациента. Но они с ужасом понимали то, что доктор совершенно неизбежно дойдет и до них.

Как-то раз мы с сеструхой даже довели бедного доктора до слез. Мы уже не первую неделю находились в приюте и уже не так безропотно отдавались на расправу, как сначала. После ощупывания доктор в этот раз сразу перешел к самому страшному. Без всякого сюсюканья он схватил сеструху за нервно дернувшуюся лапу и глазами дал понять маячащему у двери работнику, чтобы он придерживал заерзавшую собаку. Тот с готовностью схватил сеструху за исхудающие бока и предусмотрительно отклонил свою голову подальше от ее морды. Доктор кивнул и, выхватив из чемоданчика щипцы, недолго думая впился в первый попавшийся коготь. Приют оглушил истошный вопль. Думаю, сеструха еще даже не успела понять, больно ей или нет, – просто не вытерпела накала эмоций. Визжа и извиваясь так, что мне от одного ее вида стало дурно, она, словно рыба, выскользнула из хватки доктора и работника,

шмякнулась об пол, моментально описалась и с очумело выпученными глазами хлопнулась об стенку.

Я наблюдала за происходящим, как за пингвинами в зоопарке, куда нас как-то раз сводили с какого-то перепугу. Пингины жили в огромном аквариуме, и мне понадобился не один день раздумий, чтобы понять, что это нечто более реальное, чем телевизор, но менее реальное, чем я с сеструхой. С тех пор в моем мировоззрении появилось новое измерение. Так вот, за сеструхиной истерикой, в которую она в этот раз ударилась на всю катушку, я следила как за чем-то только отчасти меня касающимся. Для собак из соседних вольеров, тоже знатно взбудораженных, это был словно телевизор, для меня же это были пингины в зоопарке.

Пингины закончились, когда сеструха снова встала на ноги, одним мотком головы окинула сумасшедшим взглядом окружающее ее пространство, заметила что-то родное и знакомое, то бишь меня, и ринулась ко мне, как утопающий к внезапно невесть откуда появившемуся щупленькому буйку. С разбегу она прыгнула мне прямо на голову и придавила меня к полу. С вывешенным набекрень языком сеструха прибавала меня быстро бившимся животом, как отбойным молотком, к бетону.

Доктор и работник в недоумении топтались посреди записанного, внезапно сильно завонявшего вольера, который покрылся тонким слоем черной шерсти, сброшенной сеструхой в панике. Реальность накрыла меня неудержимой волной. Пока что доктор стоял в растерянности и с приподнятыми руками, как будто сдаваясь, но я вдруг поняла, что весь этот цирк должен привести его в ярость, и тогда-то нам и нашим когтям точно не посчастливится. От волнения у меня перехватило в горле, и тут сеструха еще и заехала мне ногой в глаз. Взревев от боли, я мгновенно стряхнула ее со своей спины и цапнула ее в щеку. Потом мне, конечно, стыдно было вспоминать этот позорный момент безрассудности и слабости, и я не раз пыталась извиниться перед сеструхой за такой промах, но она ничего не помнила, как после страшной аварии.

А тогда этот укус, это предательство самого близкого существа, полностью вывел ее из себя, и она с такой мощью рванула на опешившего доктора, что умудрилась сбить его с ног и повалить в вонючую лужицу, плавно растекавшуюся по вольеру. Краем глаза я заметила, что собаки напротив уже даже встали на задние лапы, чтобы ничего не упустить. И только когда ротвейлеры перестали взлетать с лаем и рычанием поверх перегородки, я осознала, что устроенный хаос был совершенен.

Во всеобщем внезапно наступившем затишьи из лужицы послышался протяжный стон, а за ним всхлип. Доктор плакал... Меня передернуло. Я боялась даже представить себе, что теперь с нами сделают. Но доктор поднялся, брезгливо отряхнулся, как-то невероятно грустно шмыгнул носом и, поникнув, побрел к выходу. Сеструха в это время забилась за озадаченного работника и дрожала пуще прежнего. Дверь в коридор со скрипом захлопнулась, и из-за нее до нас донесся еле приглушенный, отчаянный крик. Не буду ручаться за сеструху, но могу с уверенностью сказать, что мне еще никогда в жизни не было так стыдно, как в этот момент.

С тех пор, когда наступало время стрижки когтей, мы всегда старались как-то держать себя в лапах. Но меня не покидало чувство, что доктор стал заходить к нам в вольер так же нехотя, как и к ротвейлерам, отчего мне почему-то становилось крайне грустно.

Приют... Приют, приют, приют... Какое страшное и одновременно полное надежды слово. Если вдуматься, а не сопоставлять его сразу с концлагерем, то вы обнаружите необыкновенно мягкое, почти что ласковое звучание этих двух слогов. По идее в приюте должны приютить, то есть пригреть, приголубить, прижать к себе или чему-то мягкому и успокоить. Оно практически пахнет парным молоком... чуть не сказала – с медом, но мед я ненавижу, так что пусть будет просто молоком. Приют, уют, салют, птички поют... Ну вы понимаете, о чем я. К сожалению, когда находишься в том самом приюте, быстро не только забываешь про уют, а просто надеешься на то, что не побьют.

Если вам когда-нибудь придет мысль взять собаку из приюта – и уж поверьте мне на слово, это самая лучшая мысль, которая вам только может прийти, – и вы будете прохаживаться неуверенным шагом вдоль вольеров и взволнованным взглядом обводить их жителей, то вы обязательно заметите, что есть собаки, которые смущенно и тихо сидят в углу и так же вопрошающе, но заинтересованно смотрят на вас, как вы на них; есть такие, которые непрестанно скулят, лают, прыгают и отчаянно виляют хвостом при виде посетителей, пытаясь всеми правдами и неправдами привлечь к себе внимание, а есть такие, которые понуро лежат на своих подстилках и даже не утруждаются оторвать свой грустный взгляд от стенки и любопытствовать, кто там на них пялится. Сперва можно подумать, что у всех собак разный характер, и это несомненно так, но тут еще есть тесная взаимосвязь со временем, проведенным этими несчастными существами в приюте.

Теперь вам нетрудно будет догадаться, что собаки первого описанного мною типа попали в приют недавно, толком еще не успели понять, что вообще происходит, и, соответственно, удариться в панику или отчаяние. Если их отловили на улице, то они пока даже не разобрались, лучше им теперь живется или хуже (с одной стороны, у них появилась крыша над головой и регулярное питание, с другой стороны, уличной собаке тяжело променять свободу на вольер в пару квадратных метров). А если они уже успели пожить в семье, то им пока еще кажется, что все это просто страшный сон, который вот-вот кончится, после чего они снова проснутся на хозяйском диване. Конечно, где-то на подсознательном уровне они понимают, что это никакой не сон, а непостижимая, жестокая реальность, и у них быстро вырабатывается некий защитный механизм, уверенность в том, что их непременно в ближайшем будущем заберут отсюда. Вот они к вам и присматриваются как к новым хозяевам, как будто все уже давно решено в тот момент, когда вы замедляете шаг перед их вольером и с мало-мальским интересом смотрите им в глаза.

Второй тип собак производит впечатление взвинченных и довольно истеричных существ. К ним относятся те, которые пробыли здесь продолжительное время, поняли, что их просто так никто никуда не заберет, и теперь они лезут вон из кожи и шерсти, чтобы как-то выделиться на фоне сотни других животных. В худшем случае ими уже не раз интересовались, их выгуливали, гладили и полусшепотом строили планы о новой жизни с новым питомцем. Неопытные собаки в таком случае, конечно же, обнадеживались до такой степени, что даже переставали есть приютский корм, полагая, что скоро отъедятся домашними обеденными объедками до отвала. Когда «их» люди больше не возвращались, они впадали в очень тяжелое состояние, после которого и начинали привлекать к себе внимание всех кого ни попадя.

Ну и, как несложно догадаться, собаки последнего типа – это те, которые уже значительную часть жизни прожили в приюте, которыми не раз и не два интересовались, иногда даже забирали на лето, чтобы потом снова вернуть (на эту «летнюю» тему я вообще могу долго и очень зло рассуждать, но это уже как-нибудь в другой раз), и которые уже давно потеряли какую-либо надежду на порядочного, преданного хозяина. Даже если вы сжалитесь и возьмете их на прогулку, они особо не повеселеют. То есть им станет радостнее от такого редкого удовольствия, как прогулка, но они не будут смотреть на вас как на доблестного икупителя. Обычно эти собаки уже старые и больные, и посетители проходят мимо их вольеров с потупленным взглядом, потому что чувствуют себя невозможно виноватыми перед этими бедолагами. Даже я иногда с ужасом поглядывала на этих одиноких стариков, и мне становилось физически плохо от одной только мысли, что в один из дней и у меня будут такие неимоверно грустные, потухшие глаза.

А пока я относилась себя ко второму разряду, хотя мой настрой так заметно отличался от обычного настроения этих собак, что я побаивалась, как бы не скатиться в третью группу, хотя мне по всем показателям было еще рано. Мы с сеструхой проводили только второй год в муниципалитете... муниципалитете... тьфу, муниципальном приюте города Н, что тут считалось не таким уж дол-

гим сроком. Конечно, и не таким неприлично маленьким, какой иногда приходился на долю молодых породистых собак (вы не поверите, но даже на тех же дурных ротвейлеров смотрели куда чаще, чем на нас), но и не настолько долгим, чтобы впасть в совсем уж беспросветную депрессию.

Я должна была вилять хвостом, словно пропеллером, и стараться изо всех сил произвести впечатление самой умной, неприхотливой и хорошенькой собаки на всем белом свете или хотя бы в данном приюте. Моя сеструха примерно так и поступала, правда, немного на свой лад. Пару раз она попробовала состроить из себя весельчака, но это выглядело так неправдоподобно и переигранно, что посетители начинали озабоченно перешептываться. То и дело до нас доносились такие слова как «больная», «бедная, аж смотреть жалко» и «интересно, ее как-то лечат?». Я доходчиво объяснила сеструхе, что она нас позорит и только отпугивает потенциальных доброжелателей, после чего она сначала ненадолго обиделась, но в итоге вняла моим доводам. И я должна сказать, что ее естественная скромность с хорошей долей зашуганности и тихой любвеобильности была не менее очаровательна, чем веселая напористость других питомцев из второго разряда. Она так умильно припадала к прутьям, чтобы дать потрогать свою мягкую шерстку, так трогательно дрожала и выпучивала жалостливые глаза, так искренне и смущенно повиливалась шикарным черным хвостом, что я в принципе не понимала, почему вообще еще кто-то проходит мимо нашего вольера, не разрыдавшись и не растаяв.

Я же вела себя тихо и самодостаточно. Хотя, вероятно, это лишь выглядело как самодостаточность, а по правде я просто была недоверчивой и не хотела пускать любезности на ветер. После грустного инцидента с нашим первым хозяином мне не шибко хотелось кому-либо доверять. То есть мне, конечно, хотелось, но я не могла себя так быстро пересилить. И пока я предавалась напряженным раздумьям о поведении приютских собак, о жизни и о нашей незавидной судьбе, потенциальные хозяева проходили мимо, удостоив меня одним-единственным, жалеющим, но, увы, коротким взглядом.

Я была совершенно уверена, что изрядно старающуюся сеструху скоро заберут, а меня навсегда оставят в приюте. Это была ужасная мысль. Наверное, самая страшная на свете, еще страшнее той, что мы вместе состаримся в этом вонючем вольере и будем тоскливо таращиться в стенку. Но после долгих бессонных ночей я пришла к выводу, что думать так – эгоистично, и начала мысленно прощаться с ничего не подозревающей сеструхой. Прощалась я долго, и у меня довольно плохо получалось. А сеструха в то время все наивно пыталась обратить на нас столь ценное и неуловимое внимание, на которое я по своей склонности к депресняку уже даже не смела надеяться.

Ну вот, что-то я вас совсем заболтала... Но так уж сложилось, что приют был довольно недолгой, но крайне значимой частью нашей с сеструхой жизни, и не поняв, как нам жилось там, вам будет тяжело понять нас вообще. Так с чего я начинала? Ах да. Когда они впервые появились в приюте, на дворе стоял очередной невыносимо жаркий летний день...

Глава 2

Про непостижимую возможность невозможного. Грустная глава

Оглядываясь назад, мне хотелось бы сказать, что я сразу вычислила их из толпы несерьезно настроенных к нам посетителей, но должна признаться, что, увы, мое сердце не то что не екнуло при появлении новых хозяев, а наоборот, замерло от ужаса и праведного негодования.

Как я уже упомянула, они нарисовались перед нашим вольером одним жарким утром, сулившим очередной в прямом смысле адский день. Я задумчиво пялилась в пустую миску, в которой вообще-то всегда должна быть вода, то и дело отсутствующая в самый важный момент, а сеструха валялась в передней части вольера у прутьев, еще не успевших раскалиться, и дремала, изредка томно потягиваясь. Наши дурные соседи спали, и, если бы не жара, можно было бы чудесененько наслаждаться столь редким спокойствием.

Вдруг нечто ужасное с визгом влетело в прутья нашего вольера и, повиснув на них, мгновенно запустило свои длинные щупальца в наш трепетно хранимый очаг. Не успев толком прийти в себя, бедная сеструха из лежачего положения взвилась ввысь не хуже ротвейлеров и с оглушительным визгом вписалась с размаху в стенку. Меня же невиданной силой прижало к самому дальнему углу, из которого перед моим взором разыгралась следующая сцена.

– Куда ты смотришь?! – раздался нервно-озлобленный мужской голос, для которого манера общения с прикрикиванием была явно в порядке обыденного.

– Сейчас эти скотины твою дочь растерзают, пока ты любишься на облезлых котят!

Вслед за голосом появился и сам сгусток раздражения и схватил маленькую девочку, которой оказалась наша напасть, за оставшуюся за пределами вольера беленькую ручонку. В другой руке, все еще протянутой к сеструхе, в плотно сжатом кулачке она держала внушительный клочок черной шерсти.

– Брось ты эту гадость! – брезгливо скомандовал ее папаня, поставил дочь на ноги и двумя пальцами потряс ее запястье.

Не знаю, что тогда испытывала сеструха, выпученными глазами провожавшая свою гордость, разлетающуюся во все стороны, но я так вскипела при слове «скотины», которым этот прелестный человек решил нас описать, что даже не смогла долго размышлять о том, о каких таких котярах шла речь. Кошки в нашем приюте, конечно, тоже имелись, но в целях безопасности жили они совсем в другой стороне, и я не могла поверить в то, что бывают люди, не умеющие отличить собаку от кошки.

– Это не кошки, а маленькие болонки, – спокойно пояснил невозмутимый женский голос, и рядом с папой и дочкой появилась мама. Я знала, что всех взрослых людей зовут папой и мамой. Почему они теряли свои имена, как только вырастали, я к тому времени еще не успела выяснить, но уже привыкла к этой человеческой странности. К счастью, им не приходило в голову переименовывать своих питомцев в «собак» и «кошек» после недолгого щенячества или котятства.

– Что ты так нервничаешь? – спросила мама и положила взбудораженному папе маленькую белую руку на плечо.

– Я нервничаю, зайка дорогая, потому что твоему ребенку чуть не откусили руку, – съязвил папа не без нежности.

Хотя я никогда не ожидала много от посетителей, мне стало ужасно обидно и за запуганную сеструху, которая даже за мухами охотиться не решалась, не то что кого-то кусать, и за себя, потому что, обижая сеструху, обижали и меня. Я с некоторым усилием оторвалась от своего угла и засеменила к передней части вольера, заискивающе повиливая хвостом и при-

жав уши ровно настолько, насколько надо. Сеструха часто прижимала уши так, что было сразу видно: ее дикую зашуганность вполне может и не удастся искоренить даже в домашних условиях. Я же лучше контролировала свои движения и порывы, и мне нравилось думать, что я в какой-то степени могу манипулировать людьми. Дождавшись нужного момента, я начала тянуться и строить из себя совершенно безобидного страдальца.

– Нет, ну как такие милашки могут откусить кому-то руку? – восхищенно воскликнула мама и сложила ручки у груди от накрывшей ее волны умиления. Я бросила на сеструху торжествующий взгляд. – Это Сашка, наверное, их покусала, в это я скорее поверю.

Девчушка в розовом аккуратном платьице высвободилась наконец из папиной хватки и, искусственно засмеявшись, упала на пол. Снизу я увидела, что выходное платье моментально покрылось зелеными пятнами от свежескошенного газона (да-да, в нашем приюте было нечто наподобие газона, те самые волонтеры постарались).

– Сашка, встань, противно смотреть, – поморщился папа.

– Покусава, покусава, – хохотала Сашка. – Покусава бабачек!

– А мне они нравятся, – вдруг ни с того ни с сего задумчиво проговорила мама, и Сашка мгновенно снова вскочила на ноги.

– Мне тозе! – крикнула она так громко, что у меня в ушах зазвенело, и вцепилась мертвой хваткой в прутья. Сеструха отпрянула еще дальше вглубь.

Тут из-за стены высунулась еще одна голова и скептически перевела взгляд от меня к сеструхе. Голова принадлежала немного потрепанному мальчугану, который был на порядок старше вредной Сашки, но все еще входил в разряд щенков.

– Маленькие какие-то, – вынес он свой вердикт.

Как по команде над соседской стенкой тут же взлетел ротвейлер и, хрипло гавкнув, грузно шлепнулся об пол. У мальчугана загорелись глаза.

– Вот *это* собака, – пролепетал он, чуть не прослезившись от восторга, и ринулся к вражескому вольеру.

– Не смей руки совать! – крикнул вдогонку папа, явно уже проклинавший всю эту затею с походом в приют.

Это было очень типично для пап, по которым сразу было видно, что они пришли не по доброй воле, а были долго и слезно умоляемы и шантажированы мамами и детьми. Они всегда топтались где-то поодаль и настороженно наблюдали за происходящим, готовые в любой момент броситься в бой и выхватить из пасти зверя своего дитя. Почему папы не хотели гладить нас и вообще чувствовали себя очевидно не в своей тарелке, мне было непонятно. Изредка папы приходили одни. Тогда они целенаправленно шли к самым большим и гавкучим псам и, даже не пытаясь с ними познакомиться и познать их сущность, забирали их, конечно же, обезумевших от внезапно обвалившегося счастья, домой.

– Хочу тако-о-ого! – простонал мальчишка, прилипнув к вольеру с ротвейлерами, что мне показалось очень небезопасным. – Все меня будут тогда уважать и бояться в школе.

Тут уже мама оторвала его от прутьев и поставила рядом с папой, от греха подальше.

– Никуся, мы же все сто раз обсудили дома, – проговорила она, все поглядывая на нас украдкой. – Зачем тебе вообще нужно, чтобы кто-то тебя боялся?

– Как зачем? – возмутился Никуся, и я заметила, что столь нежно, почти слащаво звучащее имя, за которое любой мальчик в его возрасте наверняка бы обиделся, ему просто дивно подходит. Под своей растрепанной коричневой копной волос он был бледен и костляв, что придавало ему какую-то птичью элегантность, и я поняла, что он безумно напоминал мне взъерошенного воробышка. Моя душа наполнилась доброжелательным расположением к этому смешному существу.

– Ты еще спроси, зачем мне, чтобы меня уважали, – насупился он.

– Так, – энергично отрезал папа. – Давайте все-таки оставим задушевные разговоры на потом. Николай, ты сам понимаешь, что никакой ротвейлер тебе не светит. (Я отметила для себя, что он спутал болонку с кошкой, но смог правильно вычислить породу этой громадины, которую вполне можно было бы принять, допустим, и за гризли.)

Никуся сложил свои ручки-спички на груди, насупился и стал демонстративно смотреть мимо нас, хотя скрыть зародившийся интерес у него все равно получалось плохо, и он то и дело косился то на меня, то на сеструху. Я даже попыталась ему подмигнуть на наш собачий манер, и мне показалось, что он это заметил. Мама села на корточки и протянула ко мне руку с кучей разноцветных, звенящих браслетов, на которые я зачаровано уставилась.

– Иди, иди ко мне, – позвала она меня таким ласковым голосом, что у меня на душе сразу разлилось что-то сладкое и теплое. – Не бойся, – добавила она, приняв мое загипнотизированное оцепенение за страх.

Я боялась себе даже представить, что со мной произойдет, если мама меня еще и погладит. Мне показалось, что если ее прикосновение окажется таким же одурманивающим, как ее голос, то я впаду в такое блаженство, из которого уже больше не выйду никогда. С готовностью я подошла и смущенно подставила свой худой бок. Я не могу сказать, что нас очень уж редко гладили в приюте. Мы были довольно миловидными и выглядели настолько безобидно, что нас трепали в среднем хотя бы раз в день. Но прикосновение этой мамы было особенным. Я сразу поняла, что для каждой собаки у нее был свой подход: некоторых она игриво похлопывала, других от души прижимала к себе, к третьим еле прикасалась, чтобы не спугнуть. Я зажмурилась от удовольствия, как кошка (только эти твари делали это притворно и без благодарности, в отличие от нас), и настроилась на минутку блаженства, размечтавшись о том, как я буду лежать по вечерам на диване перед телевизором, а мама будет отвлеченно меня тереть.

Но не тут-то было. Сеструха, естественно, все мгновенно испортила. Очевидно, справившись со своим диким перепугом, она, как скользкая лягушка, втиснулась между мной и мамой и пустила в ход все свое очарование. Прижала уши, поставила бровки домиком, стеснительно замотала хвостом по полу и впиалась заискивающим взглядом в маму, сигнализируя всем этим, что жальче и достойней ласки в приюте больше никого нет. Обо мне эта зараза даже не думала. Я обиженно отсела в сторонку и злобным взглядом пронзила сеструху, уже повалившуюся на спину. С высунутым языком и неуверенным восторгом в заслезившихся глазах она извивалась, как перевернувшийся жук, в тщетных попытках встать обратно на ноги. Не без ехидства я подумала, что вот это она сделала очень даже зря, так как открыто показала потенциальным хозяевам свой самый страшный изъян.

Изъян заключался вот в чем: раньше, пока мы жили в семье, и до того как нас бросили у дороги... (Зря я об этом вообще начинаю, сразу хочется лечь в угол и возненавидеть все человечество, чего я пытаюсь все-таки не делать.) В общем, до приюта сеструха была бесспорно более привлекательна, чем я. То есть многие считали, что с лица больше удалась я, что я выгляжу более породисто, с чем я чрезвычайно охотно соглашалась, но у сеструхи была такая шикарная шерсть, что после первого поглаживания нас обеих все продолжали восхищаться исключительно ею, приговаривая, что она «прямо как норка» и что из нее «надо сделать шапку». Не могу сказать, что я завидовала такой перспективе, но сеструха как-то особо не парилась из-за столь кровожадных идей, а просто купалась во всеобщем внимании.

Хотя с первого взгляда мы обе были черными, при определенном освещении было заметно, что я могла сойти и за темно-коричневую дворнягу, в то время как сеструхина шерсть была настолько черной, что даже отливала синевой и придавала ей практически благородный вид. Ко всему прочему, у нее было еще и сердцеобразное белое пятно на груди и белая лапка... Чувствую, как при одном описании меня одолевает душная зависть, так что хватит, вы все поняли... Красавица, да и только!

Так вот, с тех пор, как мы оказались в нашем новом, незавидном положении, сеструхина шерсть начала как-то меняться. Сначала она просто потускнела и стала реже, на что сама сеструха, не говоря уж о работниках приюта, не обращала никакого внимания. Первое время она вообще не выходила из своего угла, так что я вполне понимаю ее тогдашнее безразличие к своей внешности. Но спустя какое-то время у нее над задними лапами начали образовываться белые проблески, которые меня сразу насторожили.

– Почки, что ли? – озадаченно пробубнил себе под нос вечно несчастный врач, рассматривая облыселе места с немалым беспокойством.

– И что делать? – поинтересовался работник, неизменно сопровождающий доктора. – Может, кровь на анализы сдать?

При этих словах сеструха окаменела. Сразу было видно, что сквозь ее кожу не пройдет ни одна иголка. Но доктор только покачал головой, и я, дура, обрадовалась, что не предстоит очередной нервотрепки.

– Дорого, – сухо протянул он. – Никто за это платить не будет.

– И что же делать? – не терял надежды работник.

– Ничего нельзя тут сделать, – вынес свой приговор доктор и поднялся. – Будем ждать и смотреть, как это дело будет дальше развиваться.

Дальше все развивалось плачевно. Пятна становились все больше и наводили на меня тихий ужас. Я видела, что сеструху тоже озадачило ее состояние, но мне казалось, что я знаю больше, чем она. Как-то раз на прогулке с улыбочивыми волонтерами я незаметно отошла от сеструхи и завязала недолгий разговор с соседской старой болонкой, повидавшей за свою длинную жизнь все беды этого мира. То, что она мне поведала про собачьи почечные болезни, взбудоражило меня так, что я потом боялась смотреть сеструхе в глаза, чтобы та не увидела в моем взгляде всю горькую правду. По ночам я видела доктора с огромным шприцем, лукаво успокаивающего сеструху, и холмик свежевскопанной земли, рядом с которым я должна была сидеть до конца своей жалкой жизни, а днем мой взгляд как магнитом приковывало к леденящим сердце пятнам, которые становились все больше и больше.

Вот эти пятна сеструха теперь и выставила всем напоказ. Все прекрасно знали, что люди не берут больных собак, но сеструха была наивна, как только что вылупившийся птенец. К моему изумлению, мама продолжала гладить ее по животу, ничуть не смутившись.

– Что это у нее такое? – раздался ожидаемый вопрос со стороны папы. – Не трогай ее, заразишься еще чем-нибудь.

– Как тебе не стыдно? – возмутилась мама. – Представь, тебе бы такое сказали!

– Ты прекрасно знаешь, что они все равно ничего не понимают, – стал оправдываться папа, но я его уже не слушала (то, что мы якобы ничего не понимаем, для меня было не новым высказыванием, на это собаки уже давно не обращают внимания). Я влюбленным взглядом тарасилась на маму.

– Наверняка это от того, что она сильно переживает, – задумчиво предположила она, оторвала руку от сеструхиного брюха, встала и начала всматриваться в табличку, висевшую на нашем вольере.

– Тут написано, что их нашли привязанных у дороги. Представляешь, какой это для них стресс!

– А для второй это не стресс? – недоверчиво спросил папа.

– Значит, у нее другой характер, – отрезала мама. – Сразу ведь видно.

– Ладно, – обреченно вздохнул папа и поднял руки. – Возьмем их на прогулку, но прежде обязательно...

Оглушительное ликование детей не дало бедному папе договорить. Никуся мгновенно забыл про свою праведную обиду и суливших уважение ротвейлеров и бросился к вольеру рассматривать нас, а визжавшая Сашка повисла на папиной ноге. Даже мама, как маленькая

девочка, подпрыгнула, захлопала в ладоши, подскочила к вожаку стаи, чтобы чмокнуть его в колючую щеку. От таких бурных эмоций папа засмутился.

– Я еще ничего определенного не сказал! – закатил он глаза, отодвинул от себя маму и стряс с ноги Сашку.

Во мне же зародилась столь яркая, полыхающая надежда, что я случайно описалась прямо где стояла. Когда я заметила этот ужас, я готова была добровольно отправиться к ротвейлерам на съедение. Сеструха посмотрела на меня круглыми от удивления и порицания глазами. За то время, которое мы провели в приюте, мы действительно привыкли справлять свою нужду где попало. А попадало практически всегда в вольер. Поначалу нам было дико стыдно перед друг другом и самими собой, но обстоятельства вынуждали плюнуть на всякий этикет. При посетителях же мы по общей договоренности никогда не позволяли себе такого разнузданного поведения. Осуждение моей сестры было полностью оправданно. Чтобы скрыть свой позор, я плотно прижалась задом к мокрой лужице, надеясь на то, что она не растечется уж очень заметно.

Но мои старания оказались тщетными.

– Та-а-ак, – протянул папа, сунув руки в карманы. – А это еще что такое? Они ведь вроде уже не щенки.

– Насрали, что ли? – бодро поинтересовался наконец-таки подоспевший работник приюта и заглянул в наш вольер.

От такого грубого выражения все мое приподнятое настроение мигом испарилось. Думаю, что этот момент вполне мог бы быть самым ужасным в моей жизни. Даже ужаснее того, когда я осознала, что прежний наш хозяин уже больше за нами не вернется (тьфу, снова я про это вспоминаю). Я была уверена, что я сама, совершенно самостоятельно навсегда разрушила все наши надежды на теплый диван перед телевизором.

Но свершилось чудо. Вместо того чтобы презрительно наморщить нос и отправиться восвояси, мама просто пожала плечами под своим дивным платицем с птичками и сказала:

– Нет, всего лишь описались немного. Думаю, в приюте это неизбежно. Мы хотели бы с ними погулять.

Сеструха явно обиделась на то, что мое преступление приписали заодно и ей, но я не обращала на нее внимания. Теперь-то я точно поняла, что за нами спустился ангел с небес. Правда, не с совсем ангелоподобной свитой, но это были мелочи жизни.

Работник с готовностью смотался за облезлыми приютскими поводками и вручил их маме и Никусе.

– Только когда будете выводить этих, – он ткнул пальцем на нас, – смотрите, не дайте им близко подойти к тем, – он ткнул на соседский вольер с ротвейлерами, которые при виде поводков разбушевались не на шутку. – А то они могут их сквозь прутья ухватить и затащить к себе.

Хотя Сашка стояла и так довольно далеко от пещеры монстров, папа вцепился ей в плечо мертвой хваткой и отвел подальше еще на пару метров, и даже мечтавший об уважении Никуся криво покосился на свой прежний объект вождения и незаметно прижался к маме. Та уверенно кивнула и, шагнув в наш вольер, приоткрытый работником, лихо прицепила нас на столь желанное ограничение свободы. Моя позорная лужица осталась позади.

Так как дело было довольно ранним утром, на лугах, окружающих наш приют, было крайне мало собак, и я уже понадеялась, что это каким-то образом предотвратит панику, которая зародилась в сеструхиных глазах в тот миг, когда она ступила на волю, как олень на опушку леса. Но не тут-то было. Может, ей просто и не повезло, потому что вести ее дали именно безбашенной Сашке.

– Побеззалии! – резво скомандовала девчужка и, спотыкаясь, помчалась по траве.

Сеструха просеменила за ней буквально несколько шажков и мертвым грузом свалилась на землю. Весила она немного меньше своей маленькой надзирательницы, и той ее было уже не уволочь.

– Эй! Ты сто?! – возмутилась Сашка и рванула поводок. Сеструха только еще плотнее прижалась к земле и нервно обвела глазами малознакомую местность в поисках убежища или какой-то помощи. Помощь подоспела, конечно же, в виде мамы.

– Дай-ка мне ее, – попросила мама Сашку и решительно забрала у нее поводок, невзирая на громкие протесты. Потом она опустилась на корточки и стала что-то нашептывать окаменевшей сеструхе. Заклинания оказались плодотворными, и сеструха нерешительно поднялась на дрожащие лапы.

– Ну эта никуда не годится, – сухо прокомментировал папа. – В конце концов, мы берем собаку для детей, и, если она будет вот так выделываться, они не смогут с ней играть.

– Мы берем собаку не просто для детей, а для того, чтобы спасти несчастное животное, – отрезала мама.

– Да? – искренне удивился папа. – А ротвейлера ты, например, спасти не хочешь?

– Хочу, но обстоятельства не позволяют, – потупила взгляд мама.

Папа поднял руки вверх и закатил глаза.

– Великие вы благодетели! Как вы только терпите меня, грешного?

Я решила, что пора заканчивать этот разговор, пока он не привел к самой настоящей ссоре, которая явно не закончилась бы намерением забрать кого-то из нас домой. Наступило время строить из себя того самого веселого дружбанчика, которого они искали. Я задорно залаяла и стала прыгать, виляя хвостом. Сеструха посмотрела на меня так, будто у меня началось самое настоящее бешенство, но Никусе, который вел меня на поводке, понравилось. Он захохотал в восторге и бросился бежать по полю, растопырив свои ручонки, как крылышки. Я неслась рядом, то и дело подпрыгивая и толкая его в бок. Не подумайте только, что все это было лукаво наиграно, я и в самом деле была крайне рада наконец-таки пошевелить своими заржавевшими костями. Да и этот хохочущий мальчуганчик-воробышек становился мне все более и более симпатичным.

Давно я так ни с кем не играла. Иногда выгуливающие нас волонтеры были очень молоды, но резвиться с нами на полях как-то не хотели. Они только кидали палки, за которыми некоторые псы мчались как обезумевшие, но я предпочитала воздерживаться от такого сомнительного удовольствия.

До приюта я любила играть с сеструхой в охоту. Эту игру придумала я и поэтому право выбирать роль тоже крепко укоренилось за мной. И так уж сложилось, что я за редкими исключениями всегда была охотником, а сеструха жертвой. Как только нас спускали с поводка в каком-то более-менее просторном месте, мы начинали нашу беспощадную гонку. Сеструха носилась хорошо. Очень хорошо. Как маленькая торпеда со сложенными ушами для хорошей обтекаемости ветром. Долгое время мне сложно было признаться в этом перед самой собой, но она была определенно быстрее меня. Когда я наконец-таки осознала это, я начала откровенно мухлевать. За ее спиной я совершенно бессовестно срезала повороты и бросалась ей на шею, в азарте пуская слюни по всему загривку. Сеструха в недоумении валилась на землю и смотрела на меня кротким, уважающим взглядом загрызенного зайца. Это было самое любимое наше времяпровождение, внезапно закончившееся, стоило двери в вольер в первый раз захлопнуться за нами.

Наносившись с Никусей до упаду, я перевела взгляд на оставшуюся у мамы сеструху. Та снова лежала на земле и молча подвергалась истязаниям со стороны малявки Сашки. Не зная, как еще выразить свою захлестывающую за края любовь, Сашка то тянула несчастную сеструху за уши, то с размаху плюхалась ей на спину, то душила ее в объятиях. Папа наблюдал за этим в

напряженном негодовании, но терпел, видно, проверяя сеструху на пригодность к жизни с его отпрысками, в то время как мама беззаботно втолковывала ему что-то, размахивая руками.

Отдышавшись, Никуся потащил меня обратно к своему семейству.

– Вот эта мне нравится! – уже издали прокричал он родителям.

Я обвела его влюбленными глазами. «Мой маленький спаситель», – подумалось мне, хотя я прекрасно понимала, что принимать решение о моей судьбе будет отнюдь не сопливый Никуся, только недавно еще благоволивший ротвейлерам.

– А мне эта! – отпарировала Сашка, пуце прежнего вцепившись в и так пострадавшую шерсть сеструхи.

И тут осознание происходящего окатило меня, как ледяной водой из ведра. Они выбрали! Выбирали кого-то из нас! Тот момент, которого я боялась до колик в животе практически все время, проведенное в приюте, настал. Кого-то из нас они заберут, а кто-то так и останется в холодном вольере под замком и впредь уже один будет наблюдать за взлетающими головами дурных, клыкастых соседей. Нас совершенно неизбежно разъединят. Могла бы я плакать, разревелась бы в голос, а так я просто остолбенела и уставилась на сеструху, которая, по всей видимости, тоже поняла, что тут происходит. Так мы и смотрели друг на друга, будто окруженные туманом, сквозь который до нас доносились спорящие голоса.

– Мы же не знаем, что с ней! А вдруг это что-то серьезное!

– Лечить будем.

– На какие деньги?

– Все обойдется.

– Она классно бегаёт!

– Она така-а-ая мягкая!

– При чем тут мягкость?

– Та явно умней.

– А эта ласковей.

– Как вообще можно взять одну, а другую оставить в клетке?

Последняя фраза словно пробила туман, который мгновенно развеялся и оставил нас наедине с жестокой реальностью. Я бросила отчаянный взгляд утопающего на маму.

– Ну как? Нельзя же так! – повторила она с дрожью в голосе.

Папа театрально вздохнул и закатил глаза, в то время как вокруг него воцарилась тишина ожидания.

– Что ж, – донесся до нас его голос, натянутый, как струна скрипки (не спрашивайте, откуда я знаю, что такое скрипка, я много чего знаю). – Раз так нельзя, значит, они обе остаются в питомнике и продолжают дожидаться своего счастливого дня.

Сама себе поражаясь, я заметила, что вместо разочарования почувствовала почти одурманивающее облегчение. Зато возмущенный крик, вмиг устроенный детьми и мамой, дал понять, что слова папы были далеко не последними в этом споре. Во всеобщем оре было крайне нелегко разобраться, но в конце концов до меня дошло, что требовалось забрать домой ни много ни мало нас обеих.

Я не могла поверить своим ушам. Нет, я, естественно, не верила в то, что такое чудо может действительно свершиться, но услышать хотя бы намек на возможность невозможного взбудоражило мое неширокое сознание так, что я побоялась не дотянуть до следующего визита доктора. Мое сердце заколотилось с такой скоростью, что норовило выскочить прямо через горло наружу. С трудом я слотнула сердце обратно и попыталась разобраться в переполохе на лужайке, устроенном в нашу честь.

– Вы с ума сошли, что ли?!

– Ты только подумай, с двумя собаками намного легче, чем с одной!

– Хватит меня дурить! Сами не верите в то, что сможете уломать меня на такое!

- Хасю двух бабачек! Двух хасю!
- Я буду каждый день вставать на час раньше и гулять с ними до школы!
- Что ты вообще волнуешься, все равно весь день на работе тусуешься, видеть никого не будешь!
- Тьфу! Слушать вас даже не хочу!
- Не будь извергом!
- Папа, ну пожалуйста! Я больше никогда не буду...
- Аааа!!! – вставила Сашка свою лепту, и мы так и не узнали, от чего Никуся собирался отказаться навсегда ради нас, недостойных.

И тут послышался душераздирающий всхлип. Я перевела взгляд от Сашки к Никусе – они оба в недоумении таращились на маму, и тут я увидела ее дрожащие губы. Папа тоже слегка опешил и склонился в ее сторону, но, так и не дотронувшись, снова отпрянул.

– Ну ладно, солнышко, что ты, – промямлил он как-то неуверенно и, немного пораздумав, добавил с наигранной бодростью: – Мы можем пойти завтра в другой приют и поискать там...

По страшным глазам мамы, впившимся в него исподлобья, папа понял, что продолжать мысль не стоит, и сконфуженно замолк. В очередной раз на лужайку легло неловкое молчание, намертво подавившее какую-либо безмятежность и радость, которую в принципе стоило ожидать от такого дела, как выбор нового члена семейства. То ли от избытка негативных эмоций, то ли почувствовав острую нехватку внимания, Сашка зарыдала в голос и повисла на папиной штанине, громко причитая что-то непонятное. С обреченным вздохом папа наклонился, чтобы взять вдрызг расстроенную дочурку на руки, но та взвыла только громче, изогнулась с диким ревом, обмякла и, выскользнув из папиных рук, шлепнулась на землю, как мокрый мешок зерна. Парадное платьице можно было не задумываясь выкидывать.

– Все! – прогрохотал вдруг папа с новой силой воли и отбросил назад темную копну волос. – Хватит с меня этого цирка! Мы едем обратно домой! И чтоб я хоть раз еще согласился на такую безумную затею!

Все, включая нас с сеструхой, перепугались и тихонько отправились обратно в приют. Во мне бушевали двоякие чувства. С одной стороны, я была рада, что ужасный момент прощания с сеструхой навеки был отложен на неопределенное время, с другой стороны, раздирающее ощущение того, что вот-вот могло произойти нечто непостижимое (а именно наш с сестрой переезд в семью), но было невозвратно утеряно и упущено, все больше окутывало мою душу. Я ни капли не сомневалась в том, что так близко, как только что, мы уже никогда не окажемся рядом с подлинным счастьем. И кровь в моей груди превращалась в лед.

После того как замок на двери нашего вольера снова защелкнулся и мама бросила на нас последний, виноватый взгляд, я отвернулась, чтобы более не смотреть на ускользающий шанс настоящей жизни, возникнувший из утренней дымки, подаривший мгновения невероятной надежды и испарившийся, как сон, который я даже не пыталась ухватить за растворяющийся в лучах света хвост. Они ушли, а мы остались. Еле согнув заледеневшие лапы, я легла в остывший угол и закрыла глаза, чтобы не смотреть на сеструху и не ненавидеть ее за то, что нас двое и что мы никогда не сможем про это забыть.

Глава 3

Можно забрать собаку из приюта, но приют из собаки забрать нельзя

С уходом нашей недолгой надежды ушла и жара, и серые дни начал заливать не менее серый дождь. Он был настолько проливным, что мне казалось, будто на крыше стоит какой-то злоумышленник и неустанно опрокидывает ведра. Я даже несколько раз подошла к прутьям и попыталась разглядеть этого негодяя, но, как и стоило ожидать, ничего, кроме непрерывного потока воды, не увидела.

Сначала вода скапливалась в небольших ямах на дороге, а вскоре переступила за края образовавшихся маленьких озер и начала медленно, но уверенно заливать в наш вольер. Работники приюта же не сочли положение жизнеопасным и, виновато пожав плечами, оставили нас на мучительную смерть. Столь необычная ситуация, именуемая людьми странным названием ЧП (волонтеры, появившиеся в приюте за время потопа всего раз, бегали туда-сюда в прострации и с вытупленными глазами все повторяли: «Это полное ЧП!»), имела и одну положительную сторону: животный страх за жизнь сумел отодвинуть чернейшую депрессию, которой я с упоением предавалась вот уже почти что неделю, на второй план.

Вода все неумолимо наступала, а наглые работники продолжали делать вид, что ничего страшного не происходит, и я поняла, что нам с сеструхой надо действовать самим. Я долго подыскивала слова, чтобы заранее не травмировать и так изрядно подорванную психику сеструхи, но в конце концов высказала все накопившееся на душе. Жизнь в приюте была, разумеется, не сладка, но помирить мне все равно еще не хотелось. Особенно в каком-то болоте, нагло ворвавшимся на нашу территорию.

Как и стоило ожидать, после моей речи нервы сестры сдали, и помимо всемирного потопа на мою голову свалилась еще и обалдевшая, ни к чему не пригодная псина с тронувшейся крышей.

Пока я с немалыми усилиями пыталась свернуть наши спальные пледики в валики для сооружения дамбы, сеструха носилась по оставшейся суше от стенки к стенке и смотрела на воду с ужасом бешеного волка. Даже ротвейлеры как-то притихли, и я, не ожидая от себя подобного благородства, начала серьезно беспокоиться за бедных глыб.

Валики не помогли. Болото плавно растеклось по всему вольеру, и я обреченно села на плавающий плед, как на плот, прижав его к пока недалекому дну, и стала ждать неизбежного конца. О том, что творилось с сеструхой, я лучше умолчу.

Но, к моему великому удивлению, уровень воды не поднимался, хотя дождь все лил. Оказалось, что в двери, ведущей в коридор, была щель, через которую вода просачивалась и там стекала в дырку в полу. Так я узнала, что такое водосток, и сильно ругала себя за то, что, толком не разобравшись в ситуации, распаниковалась и довела сеструху до того плачевного состояния, в котором она пребывала. Прижав ее к стенке и усадив на подплывший мокрый пледик, я как можно доходчивее постаралась объяснить ей, что смерть отменяется. Она вроде вняла моим доводам, поверила в загадочный водосток и немного расслабилась. А я, избежав столь прискорбной участи, пришла в такое прекрасное расположение духа, что даже не расстроилась, увидев размякший ужин в затопленной миске.

Наше приютское ЧП закончилось так же неожиданно, как началось, но лето было невозвратно утеряно. Близилась осень. У нас забрали загнившие пледики и положили на их место шикарные подушки, пожертвованные пострадавшему от стихии приюту расчувствовавшимся толстячком с большой лысиной и большим носом, на который градом катились слезы жалости за нас и гордости за самого себя, когда он пришел на презентацию своих даров при деле.

– А имя-то? Имя вышили? – поинтересовался он, задыхаясь от переполнявших его эмоций.

Работники деловито вытащили из-под сеструхиной попы расписную подушку и указали на еле видную вышивку в углу.

– Приют вас никогда не забудет, Захар Маврикович, – пафосно проговорил работник и посадил сеструху обратно на подушку.

Мне показалось, что ему оказали многовато чести за какие-то подушки, пусть даже они новые и мягкие, но соседская всеведущая болонка поведала мне, что благодаря этому растроганному господину с подтяжками приют обеспечен кормом и сеном на всю зиму. Я почтиительно кивнула. Без еды было всегда плохо, но без сена зимой было даже хуже, чем без еды. При заморозках бетонный пол превращался в скользкий лед, и отморозить себе лапы можно было запросто за считанные минуты. Не могу сказать, что с сеном было очень комфортно, но, по крайней мере, лучше, чем без ничего. Можно было в него зарыться и поспать хоть немного, не просыпаясь то и дело из-за окаменевших конечностей.

Со всеми этими переживаниями я успешно умудрилась забыть про очаровательное семейство, которое нас чуть не удочерило, и поэтому даже не сразу узнала папу, когда он снова появился перед нашим вольером. Да и если я смела бы ожидать, что кто-то из них еще раз вернется, то про него я подумала бы в последнюю очередь. Он выглядел так же, как и в первый свой визит, только еще немного более несчастным и растерянным. Папа плотно сжал губы и сунул руки в карманы.

– Ну что, как вы тут? – робко поинтересовался он. Было заметно, что практики общения с животными у него было немного и что он смущался.

Сеструха, чья память оказалась лучше моей, бросилась к нему и, припав к прутьям, завилыла хвостом что было мочи. Пока я наблюдала за ее ходившей из стороны в сторону задней частью, воспоминания нагрянули на меня цветной лавиной. Как наяву передо мной промелькнули мама с браслетами, Никуся, Сашка, луг и ссора.

Помедлив, я тоже подошла к нему и слегка вильнула хвостом в знак внимания. Я не знала, зачем он вернулся, к тому же еще и один, и что от него следовало ожидать. Папа тяжело вздохнул и опустился на корточки. Мне было интересно, о чем он думает, но я уже давно поняла, что мужчины намного реже озвучивают тот бардак, который творится у них в голове, чем женщины.

Тут к нашему маленькому собранию подоспел один из работников приюта.

– Что? Решились все-таки? – прохихикал он.

Я наострила уши. Папа медлил с ответом, и я занервничала. На что он решился? Неужто забрать кого-то из нас?!

Наконец он кивнул.

– Ну и которую? – Работник всунул ключ в дверь и со зловещим скрипом открыл замок.

Мое сердце заколотилось так, что голова пошла кругом. Я впились глазами в сеструху, вопрошая, понимает ли она весь ужас происходящего. Видно, она понимала. Сеструха очень плотно прижала хвост к животу и так же плотно прижалась ко мне. Думаю, я еще никогда не любила эту дурочку так сильно, как тогда (дурочка – это я ласково, не подумайте). Папа не торопился отвечать, и это мне казалось самой страшной пыткой из всех возможных. Я уже хотела взмолиться о разрешении наших страданий, когда он таки кашлянул и перевел взгляд от меня к сеструхе и обратно.

– Беих, – проямлил он что-то невнятное, и я уставилась на работника, чтобы по его реакции понять, что имел в виду папа. Но работник тоже явно не разобрал этого полустона и попросил повторить наш приговор. Я чувствовала, что вот-вот описаюсь от такого нервного перенапряжения. Папа встал и решительно расправил плечи.

– Обоих, – торжественно проговорил он четко и ясно. – Я беру их обоих.

Я не поверила своим ушам и снова уставилась на работника, как на переводчика самой важной беседы в моей жизни. Но тот тоже в предельном удивлении смотрел на папу.

– Это как – обеих?

– Обеих – значит обеих. Эту собаку, – папа указал на сеструху, – и эту собаку, – папа указал на меня.

– А вы это обговорили с начальством? – недоверчиво переспросил работник.

– А при чем тут начальство? – удивился папа. – Не думаю, что моя работа сильно от них пострадает. К тому же мой сын обещал...

– Начальство приюта, – сурово перебил папу работник.

– А, ну да, говорил, – смущенно кивнул папа. – Все уже подписано.

Я не могла понять, почему работник не прыгает от восторга и не целует папу, а как-то угрюмо пристегивает нас к поводкам, и поэтому боялась радоваться сама. Меня не покидал страх, что я что-то не так поняла. Сеструха тоже заерзала под неласковыми руками работника и нервно прижала уши. Однако по ее поведению я поняла, что боимся мы разных вещей. Я, как великая пессимистка, не могла поверить в ту райскую долю, которая якобы выпадала на наши грешные души, а реалистка-сеструха (с регулярными наклонностями к оптимизму) вдруг испугалась того, о чем мечтала с того далекого дня, в который нас занесло в приют. Она испугалась покинуть наш скудный, но привычный вольер. Мало ли что нас ждало впереди, а неизвестность терзала ее хуже самой горькой участи. Я чувствовала, что от меня ожидалась поддержка, но в моей голове началась карусель мыслей и эмоций, и меня как будто вырвало из реального мира.

Неумелой хваткой папа взял в каждую руку по поводку и выволок нас из вольера. Судя по непривычно задумчивому взгляду ротвейлеров, даже они не могли понять, что происходит. Хотя ротвейлеры вели себя совершенно спокойно, папа, видно, решил не рисковать лишний раз и повел нас в другую сторону. Я увидела, что старая болонка наострила уши, приподняв голову, и чуть не прослезилась. Меня начала безжалостно грызть совесть. Как могло такое быть, что нас забирали сразу обеих, а остальные собаки оставались? Эта смиренная старушка ждала своего хозяина несравнимо дольше нас, но зависти в ее глазах тем не менее не наблюдалось. На прощание она повиляла хвостом и звучно тьякнула, а я все не могла оторвать от нее взгляда, пока папа не завел нас за угол.

Вокруг стоял прощальный вой, который раздирал мне и так пострадавшее сердце. Я была готова остаться взамен на каждую приютскую собаку, наверное, даже за ротвейлеров. Ну ладно, может, не за ротвейлеров, но за всех других точно. В какой-то момент я не выдержала и уставилась себе под ноги. Рядом со мной по земле тащился сеструхин мокрый язык. Шучу, не по земле, конечно, но вывесила она его действительно изрядно далеко. Мне даже не надо было смотреть ей в глаза, чтобы убедиться в том, что вылуплены они так, что грозилась вовсе выкачаться.

Когда мы вышли за забор, отделявший приют от всего остального беззаботного мира, и подошли к машине, которую папа умудрился поставить в единственную лужу на всей парковке, мне все еще казалось, что это какой-то зловещий розыгрыш. Мы даже не взяли с собой новые подушки, подаренные плачущим господином, и миски. Куда нам было ехать?

Папа тихо и неразборчиво выругался, намочив ноги, и открыл заднюю дверцу.

– Ну давайте, как там... – Он сделал какой-то невиданный жест рукой и дернул за поводки. – Але хоп, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.